

And Fred said: I think he's in some kind of pain. I think it's a pain cry. And I said: Pain cry? Then language is a virus.¹

LAURIE ANDERSON

СЕРГЕЙ ГОЛУБИЦКИЙ

ВИРУС ИЗ КОСМОСА

Существуют идеи, которые, стоит лишь с ними познакомиться, привязываются неотвязно на всю оставшуюся жизнь. Одна из таких идей: представление о языке как вирусе, принесенном из космоса.

Этой парадоксальной и кощунственной мыслью впервые сразила меня наповал Лори Андерсон, о которой кто-то замечательно сказал: «В метафорическом универсуме Лори — это луна, а Фрэнк Заппа — это солнце».

Именно так и есть: Лори Андерсон — это несменная звезда американского музыкального авангарда, не заходящая больше тридцати лет. Когда-нибудь я непременно расскажу о Лори любителям культур-повидла, ну а сегодня у нас — совершенно другая история.

Итак, идея *Language is a virus from outer space* впервые прозвучала со сцены головокружительного перформанса *The United States Live*, который Лори Андерсон дала в начале 80-х годов. Как и полагается глубоким мыслителям, Лори не присвоила себе авторство оригинальной мысли, а лишь художественно и музыкально оформила цитату из колосса американской литературы XX века Уильяма Сьюарда Берроуза, одного из теоретиков движения битников. Эта цитата гордо высвечивалась на сцене на заднем плане.²

Короче говоря, представление о языке как космическом вирусе намертво засело в моей голове, а со временем превратилась в одну из краеугольных мифологем моего собственного мировоззрения. О том, как эта мифологема действует на практике, я и хочу рассказать читателям на одном занимательном примере — японской культуре и цивилизации.

Сразу скажу, что японский язык я не знаю, в Японии никогда не был, хотя okazji было множество — пугаюсь я этих дальневосточных цивилизаций, чего уж душой кривить! Все мое познание японской цивилизации и культуры выстроено на аудио- и видеоряде, а также, само собой разумеется, на текстах: поэтических, прозаических, исторических, общественно-политических и социальных. Мне приходилось много изучать японские СМИ в процессе подготовки исследо-

ваний на экономические темы для «Бизнес-журнала». Я читал первоисточники вроде «Гэндзи-моногатари», изучал общую историю Японии по университетским монографиям и учебникам, историю самураев по увлекательным книжкам Уильяма Тёрнбулла. Читал средневековую поэзию, упивался рассказами одного из самых любимых моих писателей Рюноске Акутагавы, плевался от книг Мураками Харуки, недоумевал над романами Кобо Абэ. Смотрел, кажется, все лучшие японские фильмы. Наслаждался анимэ в версии Миядзаки Хаяо.

Все это я перечисляю к тому, что хотя по серьезным меркам мои познания Японии находятся на уровне любительского дилетантства (есть с чем сравнивать — с той же румынской культурой и цивилизацией, которую постигал по профессиональным академическим алгоритмам в Университете), тема эта не является мне чуждой и незнакомой, а главное — мне она близка эмоционально. Полагаю также, что объем усвоенной и переработанной мною информации уж никак не меньше того, что вошло в голову 99% моих соотечественников, а значит, все нижесказанное вполне имеет право голоса.

Итак: японскую культуру я более или менее себе представляю, знаю и искренне ею интересуюсь. При этом мое отношение к ней всегда было и остается предельно неоднозначным. Читатели давно поняли, что антиномия — вообще

основа моего мировоззрения в любом вопросе, но в случае с Японией все утрировано до предела. Это совсем не привычное мне катуллианское *odi et amo*, но чувство гораздо более противоречивое и — главное! — трагичное. Японскую цивилизацию и культуру я воспринимаю как нечто предельно мне чуждое, непонятное и... неприятное. При этом цивилизация эта и культура не перестает меня манить и влечь, предоставляя все больше и больше доказательств своей неадекватности и неприемлемости. Такая вот мистическая катавасия.

Я далек от каких-либо потуг на обобщения, обвинения, тем более — на глубокомысленные выводы. Всего лишь хочу поделиться с читателями своими эмоциями по разным аспектам японской реальности, которые, полагаю, читателям и самим замечательным образом знакомы, а потому напрашивается простое сравнение: читайте, что я вам рассказываю, и сопоставляйте с собственными впечатлениями. На выходе получите дистиллят эмоционально-интеллектуального удовольствия, ради которого, собственно, все эти культур-джемы еженедельно и мажутся.

Начну с истории. История Японии, как я ее себе представляю, — это идеальная иллюстрация кошмара Томаса Гоббса. Иными словами, история Японии — это никогда не прекращающаяся война всех против всех. Одной деревни с другой

¹ И Фред сказал: «Думаю, ему больно. Думаю, это плач от боли». И я сказала: «Плач от боли? Тогда язык — это вирус» — один из шедевров Лори Андерсон (www.youtube.com/watch?v=DZkjoXyexKk).
² <http://vodpod.com/watch/1461957-language-is-a-virus-from-outer-space-laurie-anderson>.

деревней, одного монастыря с другим монастырем, одной конфессии с другой конфессией, одного феодала с другим феодалом, одного самурая с другим самураем, одного сёгуна с другими сёгунами, одного даймё с другими даймё, наконец, самой Японии — с окружающими странами и всем миром.

Два центральных института японской истории — самурайство и монастыри — возникли не из каких-то условных религиозно-нравственных и светских кодексов, а из баналь-

Теперь займемся культурой. Собственно, японская история мне, как жителю совершенно другой планеты по имени Россия, совершенно без разницы. Другое дело — культура. Японская культура — это именно та часть национальной души, с которой внешний мир постоянно соприкасается, но и только. Слава богу, ниндзи и самураи по улицам Москвы не бродят. Зато бродят японские мультфильмы, японские кинофильмы, японская музыка и японская литература.

человек тут же находил этого врага сначала в соседе, затем в собственной семье, под конец — в себе самом. Идеальный анализ этого кошмара — «Легенда о Нараяме»: непременно посмотрите, если еще этого не сделали, и тихо ужаснитесь. А лучше — посочувствуйте: жить с такими червяками в голове невообразимо тяжко!

Конфликтом раздирается все: родовые отношения, клановые, семейные — мужа и жены, жены и свекрови, мужа и тещи, отношения поколений — отцы и

куртизанок), не преминула сказаться и на совершенно уродливой исторической эволюции японской женщины. Предлагаю ненавязчивое сравнение. Взгляните на индийскую женщину: свободные платья (сари), подчеркивающие сексуальную привлекательность каждой линии и изгиба тела; изумительные художественные рисунки-татуировки, нанесенные хной на руки и предплечья; обнаженная талия, открывающая крутые широкие, сладострастно покачивающиеся бедра; обилие золотых украшений — кольца на руках, браслеты на запястьях и щиколотках, серьги, кокетливая бинду (точка) между бровями, обнаженные ступни ног, распущенная копна волос, струящихся по плечам до самого пояса.

Все, абсолютно все в облике индийской женщины призвано подчеркнуть ее божественную красоту, естественность ее волшебной природы, притягивающую мужчин, заставляющую склоняться в неодолимом желании служить и боготворить. Теперь посмотрите на японку в традиционном национальном костюме, столь любимом и поныне в самых различных социальных средах. Первым делом представительницу прекрасного пола отрывают от земли, лишают опоры и уверенности в себе, устанавливая на искусственный постамент высоченных пробковых окобо, с которых сковырнуться и сломать шею — самое милое дело, оттого приходится испуганно семенить мелкими шажками. Под пояс оба заковыривают маэ-ита — деревянную доску, обитую материей. Для чего? Для того, чтобы пояс сохранял форму, мать вашу! А нравится эта доска женщине или не нравится — никто не спрашивает.

После этого несчастную тушку некогда прекрасной половины человечества туго закручивают аки древнеегипетскую мумию в плотную ткань кимоно, которое напрочь убивает все натуральные линии и изгибы тела. Получившееся чучело венчают канзаси — булавками, заколками, гребнями и шпильками, которыми ис-

ПОЛУЧИВШЕЕСЯ ЧУЧЕЛО ВЕНЧАЮТ КАНЗАСИ — БУЛАВКАМИ, ЗАКОЛКАМИ, ГРЕБНЯМИ И ШПИЛЬКАМИ, КОТОРЫМИ ИСТЫКИВАЮТ СВЯЗАННЫЕ В ЖЕСТКИЙ ПУК ВОЛОСЫ

ного чувства самосохранения: жить вне крепостных монастырских стен и без круговой поруки гвардии влиятельного феодала было просто опасно. День прошел — не замочили? И слава богу, потому что завтра придет какой угодно чужак с мечом от щиколотки до сакайки, все отнимет на правах сильного, и если повезет, то не оторвет голову голыми руками, а просто разрубит на две симметричные половинки.

Из этой же истории растут ноги знаменитой японской улыбки, за которой не скрывается никаких живых эмоций, кроме исторически сублимированного страха: не дай бог, случайному прохожему что-то не понравится, тут же бошку и отвинтит. Из той же оперы гипервежливая манера разговаривать. Все вместе, включая исторические корни явления, являют собой национальные вариации на тему американского «сыра». Единственная разница: на Диком Западе забыли улыбнуться — бошку не отрубили, как в Японии, а отстрелили кольцом 45-го калибра.

Итак, патологическая агрессия и воинственность, с одной стороны, и не менее патологический страх, сублимированный в языковую стилистику и манеру социального поведения, — с другой, служат визитной карточкой японской нации на самом глубинном цивилизационном уровне.

Что же это за культура? Если коротко, то она дихотомична. В японской культуре присутствует всегда только два цвета: черное и белое. Допустима вариация: черное и красное, белое и красное, да какое угодно сочетание, вот только трех цветов не встречается в природе. Соответственно дихотомичен и весь эмоциональный субстрат культуры и цивилизации: злой — добрый, плохой — хороший, умный — глупый, свой — чужой, смиренный слуга — подлый предатель, любимый — ненавидимый. Никаких нюансов, тонкостей, недосказанностей, недоговоренностей. Почитайте любое японское стихотворение и сравните его, ну, скажем, с Бодлером, Верленом, Новалисом или Анненским. Это небо и земля! Море чувств, изысканнейших переживаний, недосказанностей, противоречий, метаний — здесь. Прямой дихотомией эмоций, разбавленная в лучшем случае парадоксальным мороком дзен-буддистского коана, — там.

В самом лучшем случае дихотомия японской культуры венчается гулей истероидного внутреннего надрыва. Природа этого надрыва (которым отмечен сегодня каждый японский кинофильм и каждая художественная книга) — во все той же истории. Дело в том, что в ситуации, когда внешний враг (пусть даже из соседней деревни) отсутствовал, японский

дети, социальные — богатые и бедные, начальники и подчиненные, госчиновники и обыватели, сексуальные — мужчины и женщины.

Последнее — это вообще песня. Сексуальный надрыв и невроз — просто фирменный знак японской культуры и цивилизации. Чего стоят одни только педофильные фантазии мужской части населения, которые заставляют художников и творцов наряжать любую привлекательную женщину непременно в костюм школьницы: клетчатая мини-юбочка, белая рубашечка с галстучком, жакетик. Прекрасным введением в болезненную японскую сексуальность читателям послужит блистательный фильм Риучи Хироки «Любовник» — приглашаю к познавательному просмотру!

Агрессия, отлившаяся в травмированную сексуальность («любовники-японцы очень хорошо платят, но мало что могут» — кажется, давно стало общим местом и затертой банальностью меж американских и европейских

тыкивают связанные в жесткий пук волосы. Лицо густо штукатурят сантиметровым слоем белил — не дай бог, наружу проглянет естественный румянец или какое другое проявление жизни, отличной от черно-белой дихотомии.

Под занавес кукле дают пуховку в жизнь, на вершине которой — завидная судьба гейши, существа, специально, долго и скрупулезно дрессированного для развлечения мужчин: на людне играть, петь, чай подносить, по праздникам — чего-то большее. Стоит ли удивляться после такого уничтожения естественности и сексуальности педофильным фантазиями мужского населения?!

Для чего творится это изымательство над женщиной? Очевидно, все для того же: подчинения и грубой доминации.

Читатель наверняка уже догадался, куда я клоню. Противостояние культуры и цивилизации, ее истерический надрыв, яростная кровавость истории, жестокость, служащая главной мужской доблестью (которая, между прочим, всегда приводила лишь к страданиям и унижениям нации, потому как всегда находился чужак с более крутыми яйцами, способный вогнуть в землю по самое не балуйся, пусть даже, если понадобится, и атомными бомбами), — откуда все это берется?!

Я долго-долго думал над этим вопросом и пришел к выводу, с которого начиналась сегодняшняя наша история: все, абсолютно все в национальной культуре и цивилизации Японии вырастает из их языка! Я не буду ничего навязывать читателям, а лишь обозначу некие особенности японского языка, которые, на мой взгляд, не только имеют отношение к вышеперечисленным странностям культуры и цивилизации, но и в значительной мере эти странности порождают. Читателю лишь остается сравнить мои впечатления с собственными и согласиться (либо остаться при своем мнении).

Итак, японский язык имеет туманное происхождение. Вернее, единого мнения на-

счет того, откуда он взялся, не существует. Доминирует представление об алтайской группе языков, однако ничего общего между японским и тунгусско-маньчжурскими, монгольскими или корейскими наречиями не прослеживается.

На ранней стадии развития у японцев не было письменности, иероглифы им принесли китайцы. Эти иероглифы совершенно не сочетались со спецификой языка, поэтому практически сразу стали изобретать альтернативные методы письма. В результате возникло три письменности: кандзи — иероглифы (в официальном нормативном списке из 1850 штук) для передачи основных частей речи (числительных, существительных, глаголов, прилагательных, наречий) и две слоговые азбуки — катакана и хирагана.

Катакана применяется для записи иностранных имен и вообще заимствований (кроме китайского и корейского), названий государств и городов, а также для составления телеграмм. Хирагана нужна для на-

такое?! Это значит, на уровне языкового сознания что мальчик, что девочка — разницы никакой! То есть это одно и то же. Начинает потихоньку кое-что проясняться с гейшами и самураями? Замечательно.

У большинства имен существительных нет и множественного числа, то есть что одна кошка, что много кошек, что одна рыба, что много рыб, что одна машина, что много машин. Нет, они, конечно, догадываются, когда столько, но лишь по контексту, сами слова никак не меняются.

При этом у японских имен существительных целое море падежей (именительный, винительный, дательный, звательный, места при глаголах состояния, цели, превратительный, направления, орудия, исходный, предельный, совместный, сравнения, присоединительный). Дабы понять это обилие на уровне национальной психологии, сравним ситуацию с английским языком, где падежей только два — именительный и посессивный.

значается одинаковым словом. Весело, правда?

Однако самое главное в японском языке — это стиль. Стилистическое безумие начинается с местоимений. Посмотрите, как выглядит простое слово «Я» у японцев:

僕 (боку) — мужчина, преимущественно молодой, о себе, просторечие;

あたし (атаси) — женщина о себе, просторечие;

私 (ватаси) — женщина о себе, просторечие, а также мужчина, женщина о себе, нейтрально-вежливая речь;

俺 (орэ) — мужчина о себе, грубое просторечие;

私 (ватакуси) — мужчина, женщина о себе, информационный стиль.

Понимаете, что это означает? Самоощущение Я не находится на абстрактном уровне, а целиком зависит от пола и — главное! — ситуации. Женское Я — это вовсе не мужское Я, и в одном месте Я выглядит совершенно иначе, чем в другом. Эта же дихотомия продолжается на уровне стиля и в

ЯПОНЦЫ НЕ МОГУТ ЧИСТО ФИЗИЧЕСКИ ПРОИЗНЕСТИ ЦЕЛУЮ КУЧУ ПРИВЫЧНЫХ ОСТАЛЬНЫМ ЛЮДЯМ ЗВУКОВ — СКАЖЕМ, СОГЛАСНЫЕ Ч, Ш, Щ, Л

писания служебных частей речи (суффиксов, местоимений и т. п.), названий железнодорожных станций (дублируются на ромадзи — латинице) и прочих нюансов.

Внутренне противоречивая система письма — лишь начало. На уровне фонетики чудеса продолжают происходить. Во-первых, японцы не могут чисто физически произнести целую кучу привычных остальным людям звуков — скажем, согласные ч, ш, щ, л. Не могут они произнести и двух согласных подряд, в результате все услышанные иноземные слова они чудовищно коверкают. Ладно там гару (от английского girl — девушка) или рени (это наш Ленин), но вот курасуноярусуку! Как вы думаете, что такое курасуноярусуку? Правильно — это Красноярск.

Дальше больше. Японские существительные не имеют понятия рода. Знаете, что это

Иными словами, англичанам в разговоре важны две вещи: кого-то назвать своим родовым именем и утвердить собственность (вопросы чей? чье? чья?). У японцев сложности с дифференциацией рода, зато они не могут обойтись без скрупулезного позиционирования одного предмета (лица) относительно другого — именно об этом говорит обилие падежей. В переводе на язык культуры это означает доминацию ритуала над сущностью.

Имена прилагательные в японском языке изменяются по временам и наклонению! Это вообще песня: «хороший» в прошлом — это одно слово, «хороший» в настоящем — другое.

Японские глаголы не изменяются по числам и лицам — это от китайского. Зато у японцев только два времени — прошедшее и настоящее-будущее. То есть настоящее и будущее обо-

ситуативном общении. То есть в разных ситуациях японцы говорят по-разному! Различаются нейтрально-вежливая разговорная речь, учтиво-вежливая разговорная речь, просторечие, информационный стиль и литературно-художественный стиль. В каждой из этих ситуаций японец будет подбирать разные слова, разные формы выражения, разные конструкции предложений, разные виды обращения и т. п.

Вот такой вот космический вирус сразил японскую нацию наповал своим угрюмым своеобразием. В рамках такого языка просто невозможно развиваться естественным образом. Мышление на таком языке возможно только в форме надрывного насилия над самим собой и окружающими. Чем островные люди благополучны и занимают две тысячи лет!

Но все равно их люблю! ■